

802-17
1949

ЧТЕНИЕ

ДЛЯ

СОЛДАТЬ.

ЖУРНАЛЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОВОЛЮЕНИЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

КНИЖКА ПЯТАЯ.

№ № 17, 18, 19 и 20.

Съ приложениемъ девятнадцати рисунковъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, СТАРШІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

своей семьи. Не нужно перечислять достоинствъ личнаго состава Имеретинскаго полка, довольно сказать только, что гг. офицеры, въ главѣ съ своимъ командиромъ Альбертомъ Карловичемъ Зедергольмомъ, всегда съ готовностью содѣствовали всѣмъ полезнымъ общественнымъ предпріятіямъ, а молодцы—солдаты держали себя совершенно честно и прилично и, мало того, были первыми и лучшими защитниками во время общественныхъ бѣствий, каковы, напримѣръ, нерѣдко случавшіеся пожары. Разставаясь съ Имеретинскимъ полкомъ, Балашевское общество, призывая на него благословеніе Божіе, посыпаетъ ему свой прощальный привѣтъ и отъ души желаетъ успѣховъ его оружію, въ ряду славныхъ защитниковъ обожаемаго Монарха и дорогаго отечества».

Балашевъ. Мая 15 дня 1871 года.

Послѣ рѣчи предводителя, городской голова пригласилъ солдатъ смочить предстоящій путь солдатскою чаркою, которая первая тутъ-же, на площади, была выпита предводителемъ за здравіе Государя Императора. Громогласное солдатское и крестьянское «ура» единодушно встрѣтило эту родную русскую заздравицу и звучно понеслась она съ площади далеко по улицамъ города, наполненнымъ народомъ. Затѣмъ, офицеры полка были приглашены на обѣдь, приготовленный въ городской думѣ, и эшелонъ могъ выступить на первый почлегъ лишь передъ вечеромъ, когда спалъ полуденный жаръ.

Разсказанный нами случай заявленія общественнаго сочувствія постоянльцамъ—солдатамъ, представляется далеко не исключительнымъ,—подобные проводы солдатъ повторяются сплошь и рядомъ,—у насъ, на Руси, они въ духѣ

русскаго общества, они служатъ выраженіемъ его радушия, искренности и гостепріимства; тотъ, кому пришлось постранствовать при войскахъ, по разнымъ угламъ нашей родины, кому пришлое самолично видѣть эти теплые отношения, это родственное разставаніе, тому не нужно увѣреній, что солдатъ нашъ остается тѣмъ-же честнымъ и добросовѣтнымъ служакою, какимъ былъ прежде, что онъ всегда готовъ на помошь ближнему, не щадя ни усилий, ни даже жизни подъ-часть, когда дѣло идетъ объ отвращеніи общественной бѣды.

СОЛДАТСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

ТУРКМЕНЫ, ИХЪ ОБРАЗЪ ЖИЗНИ И СВАДЕБНЫЯ ПРАЗДНСТВА.

(Разсказъ очевидца).

У туркменскаго старшины Ишана Нуръ-Мухамеда праздновалась двойная свадьба: онъ собирался женить своего сына и выдавать замужъ свою сестру. На свадьбу съѣхалось много туркменъ и киргизовъ и я былъ приглашенъ въ качестве также почетныхъ гостей.

Ишанъ Нуръ-Мухамедъ Бекъ-Турдинъ, семидесятиѣтній старикъ, живѣть съ семействомъ своимъ слишкомъ за версту отъ форта Александровскаго, въ небольшомъ ка-

меньшомъ домикъ, состоящемъ изъ одной большой и четырехъ маленькихъ комнатъ. Поль устланъ мягкими и красивыми коврами. У стѣны, противъ главной двери, сдѣлано небольшое возвышение изъ войлоковъ, покрытое красивымъ и дорогимъ ковромъ. Здѣсь часто возбѣдѣаетъ почтенный сѣй Ишанъ, сложа подъ себя калачикомъ ноги, обутыя въ красные сафьяные сапоги, или же лежитъ на боку, покой свою сѣдую голову и небрежно развалившись на богато вышитой подушкѣ.

У Ишана есть свой огородъ, гдѣ растутъ арбузы, дыни, огурцы, морковь и другія овоши. Огородъ поливается, потому что въ этой песчаной и знойной странѣ дожди бываютъ едва-ли два-три раза въ годъ. Усадьба Нуръ-Мухамеда обнесена низкимъ валомъ, небрежно сложеннымъ изъ грубаго камня.

Обстроившись и обзаведясь огородомъ, т. е. сдѣлавшись почти осѣдлымъ, Нуръ-Мухамедъ преступилъ законы и обычай своего народа, такъ какъ киргизы и туркмены народъ не осѣдлый, а кочевой. Живутъ они въ кибиткахъ, или шатрахъ, выстроенныхъ изъ перекрестныхъ тонкихъ жердочекъ, называемыхъ «унинами» и образующихъ рѣшетчатый кругъ. Уницы обшиваются кошмами или войлоками. На верху кибитки дѣлается отверстіе, служащее трубою и окномъ; оно называется *карача*. Во время непогоды и для сбереженія въ кибиткѣ теплоты, карача закрывается такъ называемымъ *тюндюкомъ*, т. е. четырехугольнымъ войлокомъ. Входъ въ кибитку закрывается также войлокомъ или ковромъ.

Этотъ наскоро построенный домъ разбирается на части и перевозится съ кочевья на кочевье, туда, гдѣ обильнѣе пастбища. Туркмены, также какъ и киргизы, не єздятъ на

колесахъ и перевозятъ вѣсъ свои пожитки на верблюдахъ, навьючивая на нихъ огромные тюки. Иногда на верху этихъ тюковъ взгромоздится еще какой-нибудь мальчуганъ или большой. Туркмены еще диче киргизовъ, но болѣе кроткаго нрава. Законъ свой, магометанскій, они исполняютъ правильнѣе и усерднѣе киргизовъ.

Туркмены не занимаются ни земледѣліемъ, ни садоводствомъ; весь промыселъ ихъ состоить въ скотоводствѣ. Хлѣбъ употребляютъ весьма немногое изъ нихъ, и то — *байчуши* (бѣдняки), живущіе большою частию у русскихъ или недалеко отъ нихъ. Отдаленные же степняки обжираются только мясомъ, пловомъ и баламыкомъ *), напиткомъ служить у нихъ кумысъ, опьяняющій не хуже вина.

Изъ немного сказаннаго здѣсь о туркменахъ и киргизахъ можно видѣть, что Ишанъ-Нуръ-Мухамедъ, поселившись вблизи форта, нарушилъ обычай ордынцевъ и тѣмъ возбудилъ противъ себя негодованіе киргизовъ, находящихся почти въ непрерывной враждѣ съ туркменами, и еслибы не страхъ, наводимый на нихъ небольшими отрядами казаковъ **), они давно-бы уже зарѣзали и разорили все семейство Ишана. Прежде, чѣмъ я опишу туркменскую свадьбу, позволю себѣ сдѣлать маленько отступление и расскажу нѣсколько случаевъ хищническихъ набѣговъ киргизовъ, составляющихъ въ нашихъ глухихъ степяхъ самое обыденное явленіе.

Въ 1860 и 1861 годахъ хищные киргизы часто на-

* Болтушка, вареная изъ муки и молока.

**) Въ форте Александро-Скемъ находится на службѣ дѣвъ сотни уральскихъ казаковъ.

падали на табуны лошадей и верблюдовъ и стада барановъ Нура-Мухамеда и угоняли ихъ къ себѣ въ степь; но разъѣзди уральцевъ настигали разбойниковъ, отбивали у нихъ скотъ и возвращали его хозяину.

Лѣтомъ Ишанъ съ семействомъ, большою частію, отправляется на кочевки въ степь, не далѣе впрочемъ какъ верстъ за тридцать отъ форта. Въ 1861 году, когда ауль его кочевалъ въ урочищѣ *Акъ-Китыкъ*, въ двѣнадцати верстахъ отъ форта, шайка киргизовъ, въ числѣ шестнадцати человѣкъ, въ глубокую и бурную сентябрскую ночь, нагрянула на спящій ауль Нура-Мухамеда. Киргизы, захватили нѣсколько верблюдовъ и лошадей, похитили пару золотыхъ и пару серебряныхъ браслетъ, грудной серебряный женскій уборъ, нѣсколько богатыхъ ковровъ и другихъ дорогихъ вещей, всего на сумму около двухъ тысячъ рублей; сверхъ того хищники взяли въ пленъ дѣтей Ишана: сына Ширъ-Мухамеда, хорошенѣкую дочь Нура-Биби и внука Аувеса, Ханъ-Маметова сына.

Старикъ Ишанъ въ эту ночь былъ въ своемъ домикѣ, и, извѣщеній о нападеніи, прискакалъ отъ мѣста баранты *) съ своимъ сыномъ, Ханъ-Маметомъ, въ фортъ, къ коменданту, и со слезами на глазахъ умолялъ его выслать въ погоню за барантовщиками команду казаковъ.

Пока спаряжали казаковъ въ погоню, киргизы удирали въ степь, пересаживаясь съ усталыхъ лошадей на свободно бѣжавшихъ за ними на арканахъ и стараясь въ то же время скрыть свои слѣды. А казаки, гоняясь за разбойниками на одиныхъ и тѣхъ же лошадяхъ и теряя часто

*) Наезды, дѣлаемые ордынцами на сосѣдей съ цѣлію ограбить или отомстить за какія-либо обиды.

слѣды ихъ, проскаакали напрасно до семидесяти верстъ и принуждены были оставить свои преслѣдованія. Они остановились у подошвы горы *Эдми-тау*, и, давъ отдохнуть измученнымъ лошадямъ, возвратились въ фортъ. Бѣдный старикъ былъ въ отчаяніи.

Но, благодаря энергической распорядительности коменданта и содѣйствію киргизскихъ сардаровъ, біевъ и старшинъ, успѣли на слѣдующій годъ освободить дѣтей Ишана и угнаный скотъ.

Послѣ этого набѣга, Ишанъ сталъ гораздо осторожнѣе, и теперь его не тревожатъ. Но хищные киргизы не перестаютъ враждовать по прежнему противъ туркменъ и дѣлаютъ нападенія на ихъ* мирные аулы. Такъ въ зиму 1863 года, они напали на ауль ходжинскихъ туркменъ и ограбили его, но туркменинъ, поскакавшій просить помощи у своихъ однородцевъ, успѣлъ во-время привести помощь, и туркмены, отбивъ обратно свой скотъ и имущество, схватили одного киргиза и представили его въ фортъ. Киргиза судили, и сослали въ каторжную работу на двѣнадцать лѣтъ; прочіе же разбойники бѣжали. Въ то же время киргизы убили трехъ русскихъ рыбопромышленниковъ, трупы которыхъ найдены были на берегу моря. Преступники скрылись и не пойманы до сихъ поръ. Наконецъ, дерзость киргизъ дошла до того, что, въ августѣ мѣсяца 1864 года, болѣе сорока человѣкъ, предводительствуемые отважнымъ *Кабакомъ Худай-Бергеносыымъ*, напали, въ ста двѣнадцати верстахъ отъ форта, на киргизскій ауль, находившійся въ тѣсной дружбѣ съ туркменами, и пасшій ихъ скотъ. Послѣ продолжительной драки, разбойники, имѣя на своей сторонѣ перевѣсъ въ численности, взяли верхъ и угнали туркменскій скотъ—до 35 верблю-

довъ и 200 барановъ. При этомъ со стороны нападавшихъ убито два человѣка и ранено четыре, а у защищавшихся ранено пять человѣкъ.

Но обратимся къ свадѣбѣ.

Два дня у старшины Ишана происходила дѣятельная и огромная стряпня. Онъ созвалъ на свадѣбну болѣе пяти-сотъ человѣкъ туркменъ и киргизовъ и израсходовалъ на угощеніе одиннадцать пудовъ рису, пятнадцать пудовъ пшеничной муки, три пуда кишмишу, два пуда али-бухары *) восемьдесят барановъ и четырехъ жеребятъ. Изъ всего этого наварили пловъ и, отѣльно мяса, напекли едобныхъ слоеныхъ лепешокъ. Мѣстность, на которой построена усадьба Нуръ-Мухамеда, представляется на западъ, огромный полукругъ, оканчивающійся безграничнымъ горизонтомъ блестящаго отъ солнца моря. Въ двухъ верстахъ отъ берега, вдоль его, тянутся высокія, сперва покатыя а къ вершинѣ крутыя каменистыя горы. Вездѣ песокъ и морская раковина; кое-гдѣ едва проглядываетъ полынь и какія-то еще жалкія растенія. Съ другой стороны тянется степь, по которой въ разбродахъ пасутся верблюды и лошади, пощипывая тощую траву. У самой усадьбы Ишана раскинуто было шесть кибитокъ, изъ нихъ одиѣ принадлежали женихамъ, другія—невѣстамъ. Какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ, двѣ кибитки были болѣе и чище прочихъ.

У восточныхъ кибитокъ стояли два верблюда, которые своимъ страннымъ нарядомъ обращали на себя вниманіе по-русскихъ, на верблюдахъ были накинуты прекрасныя пононы изъ алаго сукна, шитыя золотомъ, серебромъ и шол-

комъ. На горбахъ животныхъ устроено по небольшой кибиткѣ, или, лучше сказать, по небольшому шатру изъ малюноваго бархата, расшитому также разными узорами се-ребромъ и золотомъ; въ гривахъ и ушахъ верблюдовъ и на шатрахъ пестрѣли и развѣвались по воздуху цветы, изъ козыяго и лебяжьаго пуха, разноцвѣтныя ленточки и лоскуты шолку, сукна, бархату, ситцу. Въ этомъ пышномъ, но странномъ нарядѣ, огромныя, неуклюжливыя животныя, вытянувъ свои длинныя, дугообразныя шеи и поднявъ кверху безсмысленный бараны головы свои, были такъ уморительно-забавны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытны и интересны, что вокругъ нихъ толпились любопытные—киргизы, туркмены, татары и русскіе, смѣшавшіеся въ нестройную толпу, толкавшую другъ друга, кричавшую и ругавшуюся на всѣхъ языкахъ.

Кибитки жениховъ, а также и невѣстъ, наполнены были *марзлами* и *киздарами* (женщинами и девицами). Многія женщины шатались въ толпѣ; но это были, большую частью, байгуши (бѣдные), а не почетные гости. Онѣ были одѣты въ полушолковые или бумажные халаты, туто обтягивавшіе ихъ нестройные стани; на ногахъ были огромные мужскіе сапоги, а нѣкоторые были босикомъ. Большая часть этихъ женщинъ были безобразны: лицо широкое, носъ также широкий и расплывшійся по щекамъ, лобъ выпуклый и небольшой;—запачканныя засаленныя. Впрочемъ, говорятъ, что у туркменъ есть и красавицы. Мнѣ любопытно было убѣдиться въ этомъ, и, недолго думая я отправился наугадъ къ одной изъ кибитокъ и дерзкою рукою поднялъ завѣтный коверъ, скрывающій отъ нашихъ глазъ восточныхъ красавицъ «*Китъ! джуръ! карама!*» (уйди прочь, — не заглядывай)! закричали на меня нѣ-

*) Кисловатые плоды, похожіе на черносливъ.

сколько голосовъ. Смущившись, я отошелъ отъ заповѣдного мѣста, но все-таки успѣлъ кое-что увидѣть. Въ кибиткѣ сидѣло около десяти женщинъ; изъ нихъ три или четыре были очень хорошенъкія, а прочія—безобразныя старухи; все закрыты были съ головы до ногъ халатами. Я могъ также замѣтить, что не все женщины одинаково недружелюбно приняли меня, одна изъ молоденъкіхъ не только не кричала *китч*, но даже премило улыбнулась.

Препятствіе увеличило только мое любопытство и я рѣшился непремѣнно побывать въ кибиткахъ. Это было не легко и даже очень не легко; по у меня была надежда на десятилетнаго внука Ишана, Мамбата. Онъ былъ баловень и любимецъ всего семейства, и родители его, въ знакъ особенной любви своей, отостили ему среди гладко обритой головы его, большую косу. Смотря на голову съ хвостомъ Мамбетки, она всегда напоминала мнѣ большую рѣчу. Отыскавъ этого мальчугана, я попросилъ его показать мнѣ хорошенъкіхъ гостей. Мамбетка согласился и повелъ меня въ кибитку невѣсты брата своего Аувеса. Онъ вошелъ первый, и впустилъ меня.—»Селямъ—алей кюмъ», сказали я, снимая кепи.

Здѣсь не встрѣтили меня крикомъ, подобно тому какъ въ первой кибиткѣ, но все привѣтствовали меня протяжнымъ почти на распѣвъ: «Алѣйкюмъ—селямъ.»

Въ этой кибиткѣ были гости изъ дальней степи. Они никогда не видали русскаго и съ любопытствомъ стали осматривать меня съ головы до ногъ. Мой нарядъ показался имъ до того удивительнымъ, что они съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ разсматривали его. Нѣкоторыя даже подходили къ мнѣ и разсматривали гранаты на пуговицахъ и снимали съ меня кепи. Эти дикарки очень

любятъ обвѣшивать себя блестящими металлическими вещами. Всѣ они были одѣты въ длинныхъ широкихъ рубахъ, шитыхъ изъ шелка, штофа или ситца безъ воротниковъ; на груди рубахи, кругомъ ворота, вышиты разные узоры. Кромѣ того, они надѣваютъ дорогіе грудные уборы, шириной въ два и три вершка, вышиты серебромъ и золотомъ, обвѣшанные серебряными и золотыми монетами и блестками своего издѣлія, драгоцѣнными камнями и многими другими побрякушками. Платьевъ онѣ не носятъ: та же рубашка у нихъ и платье. Какъ женщины, такъ и мужчины ходятъ въ халатахъ и армякахъ, а въ холодное время надѣваютъ шаравары, такие широкіе, что въ нихъ запускаютъ рубашку, халатъ и даже шубу. Головной уборъ туркменокъ различный; по общей национальной уборъ у нихъ такой же, какъ и у киргизокъ. Онъ состоѣтъ изъ двухъ длинныхъ, красныхъ платковъ, (у киргизокъ бѣлыхъ); первымъ онѣ повязываютъ голову чрезъ подбородокъ и концы платка распускаются по плечамъ, вторымъ обвязываютъ голову поверхъ первого, такъ что изъ всего убора образуется видъ тюрбана, или бывшаго казачьяго кивера. У гостей же Ишана-Нуръ-Мухамеда были и другіе уборы. Такъ, напримѣръ: у одной прекрасной туркменки была краснаго бархата шапочка на подобіе архерейской митры; нижній край ея былъ обшитъ чистымъ лебяжкимъ пухомъ, а верхній—гораздо шире нижнаго—унизанъ разными затѣлівыми узорами, отъ которыхъ висѣли и бренчали разныя мелкія монеты; изъ—подъ шапочки падала на спину богатая трѣхугольная сѣточка изъ жемчужныхъ нитокъ. Къ удивленію моему, я замѣтилъ, что у этой прекрасной туркменки, и еще у одной, тоже хорошенъкій, были продѣты въ носъ большие сереб-

брюныя кольца, — украшеніе, очень портившее естественную красоту ихъ лицъ. Лицо прекрасной туркменки было бѣлое, нѣжное, продолговатое; ротъ маленький, губы тонкія, красненькия, носъ съ небольшимъ горбомъ, не очень длинный; черные волосы были заплетены въ безчисленныя косички. Красавица постоянно улыбалась и выказывала чистѣйшія бѣлыя зѣбы прекраснѣйшей формы. Изъ подъ длинныхъ рѣсицъ сверкали пламеннымъ огнемъ большие черные глаза. У многихъ были на рукахъ тяжелыя серебряные и золотые браслеты. Всѣ вообще были одѣты въ пестрые бархатные, суконные и бумажные халаты, которые туркменки надѣваютъ и на голову, замѣняя этимъ наши шали и вуали. Ботинокъ и башмаковъ онъ не носятъ, но ходятъ, смотря по состоянію, въ красныхъ сафьянныхъ или бѣлыхъ сапожкахъ, безъ подборовъ. Въ такихъ же сапожкахъ, только съ необыкновенно большими подборами, ходятъ и богатые туркмены.

Кибитка, въ которой я находился, раздѣлялась большими богатымъ ковромъ на двѣ половины; въ одной половинѣ находилась невѣста съ своею свахою и подругами. Мне хотѣлось посмотретьъ ее; но, по обычаямъ туркменъ, она никому изъ мужчинъ, въ особенности неправовѣрнымъ, не показывалась. Я вышелъ изъ кибитки, сказавъ имъ на прощанье: «аманбол!» (будьте здоровы!)

Теперь расскажу вамъ, на сколько могу узнать, о брачныхъ обычаяхъ Туркменъ. Такжѣ какъ у настъ, и у нихъ есть сваха. Когда, по просьбѣ родныхъ, арада-иргуша (сваха) сосватаетъ жениха и невѣstu, — избираются два свидѣтеля посредника, называемые *гува-ишаиты*, родъ нашихъ сватовъ. Они отправляются къ жениху и спра-

шиваются его: любить-ли онъ такую-то дѣвушку и согласенъ-ли взять ее себѣ въ жены? Если женихъ отвѣчаетъ утвердительно, что согласенъ, то гува-ишаиты идутъ къ невѣстѣ. Они объявляютъ ей, что пришли отъ такого-то славнаго *батыра* *), который любить ее до такой степени, что безъ нея ему жизнь не въ жизнь, что онъ просить соединить ея жизнь съ его жизнью, и тогда, подъ его защитою, ни одинъ врагъ не посмѣетъ взглянуть на ея прекрасное тѣло, что она будетъ жить у него въ довольствѣ и всегда хорошо одѣта. Потомъ ее спрашиваютъ: согласна ли она принять предложеніе этого богатыря. Когда невѣста изъявить свое согласіе, тогда родители обоихъ, ведутъ между собою условіе о платежѣ калыма. Калымъ же платить скотомъ, вещами или деньгами. Потомъ назначается день свадьбы. Женихъ съ невѣстою могутъ видѣться и говорить до самаго этого дня; но тутъ они разстаются и не видятъ другъ друга до вечера, чтобы потомъ соединиться навѣчно. Невѣста въ этотъ день, какъ мы уже видѣли, сидитъ въ своей кибиткѣ съ арада-иргушемъ и подругами, а женихъ гуляетъ въ степи съ молодыми ребятами, гарцуя на лихомъ конѣ, стяжаетъ себѣ у товарищѣй славу богатыря. Вечеромъ онъ является въ свой ауль, и арада-иргуш вручаетъ ему свою молодую жену.

На брачномъ богослуженіи, соединяющемъ два сердца, не присутствуютъ виновники торжества: — женихъ и невѣста; тутъ находятся только родные, родственники, арада-иргуш, гува-ишаиты и друзья. Торжества этого я не видѣлъ:

*) По-татарски богатырь, а по-киргизски и туркменски — батыръ, означаетъ человѣка, отличившагося необыкновенными подвигами.

оно совершилось самимъ Ишаномъ, въ его домѣ, когда я былъ въ кибиткѣ невѣсты.

По выходѣ моемъ изъ кибитки, я увидѣлъ, что предъ домомъ Ишана раскинуто множество длинныхъ большихъ войлоковъ и нѣсколько ковровъ. Вскорѣ разсѣлись на нихъ туркмены и киргизы, подобравшъ, по азіатскому обыкновенію, подъ себя ноги. Изъ двухъ кибитокъ, стоявшихъ на дворѣ Ишана, гдѣ происходила сцѣпнія, слуги разносили, въ желтыхъ деревянныхъ чашкахъ, сперва пловъ, потомъ мясо, потомъ сдобныя слоенныя лепешки. Богатымъ и почетнымъ гостямъ, сидѣвшимъ отдельно на коврахъ, подносили каждого изъ этихъ кушаньевъ вдвое, и кромѣ того, кумысъ. Эти же самыя кушанья подавали и гостямъ женскаго пола, находившимся въ кибиткахъ и виѣхъ. Туркмены, какъ и киргизы, ложекъ и вилокъ не употребляютъ: пять пальцевъ—нѣжные-ли они и блѣдые, или грубые, грязные—замѣняютъ эти орудія; жидкость же ови выхлебываютъ черезъ край чашки.

Любопытно и забавно смотрѣть, какъ эти народы подчуютъ друѣ друга. Угощающій беретъ въ руку кусокъ мяса и самъ влагаетъ его въ ротъ любезнаго своего дитяти или гостя; но если разстояніе между нимъ и гостемъ большое, то этотъ послѣдній, по знаку подчующаго, разевѣтъ свой ротъ, и кусокъ, брошенный меткою рукою, прямо влетаетъ въ отверстую пасть. Такое забавное подчивание считается у нихъ самыемъ дружелюбнымъ и почетнымъ.

Обѣдъ кончился, и гости встали съ своихъ мѣстъ.

Всѣ пошли къ кибиткамъ невѣсты, гдѣ стояли разукрашенные верблюды. Здѣсь разостлали два большихъ ковра. На средину каждого поставили по чашкѣ съ пря-

никами и конфектами. Послѣ этихъ приготовленій, на коврахъ разсѣлись, въ двѣ линіи, одинъ противъ другаго, старшины и родственники. Съ тихимъ ворчливымъ бормотаньемъ, воздѣяніемъ къ небу и опусканіемъ въ землю глазъ и поглаживаніемъ лица и бороды, они совершили краткую молитву надъ пряниками и конфектами. Раздѣливъ эти продукты между собою, они стѣли ихъ съ какою-то бережливостію, важностию, торжественностию, едва шевеля мускулами и челюстями. Сѣвшіи каждый свою долю, они разошлись.

Послѣ этого обряда изъ кибитки невѣсты Аувеса стали выносить разныя вещи. Ихъ не складывали, но въ беспорядкѣ бросали на одинъ коверъ. Тутъ были сукна, бархатъ, шолкъ, богатыя рубашки, халаты, тюбитеики, (шапочки), шарфы, платки и, сверхъ этихъ дорогихъ вещей, куски простаго ситца и тику, въ аршинъ или небольше какъ вѣ два,—длины.

Почти точно такія же вещи выносили потомъ и изъ другой кибитки, и бросали на другой коверъ. Это были подарки обѣихъ свадѣбъ.

Когда народъ вдоволь насмотрѣлся на всѣ эти вещи (ихъ для этого только и выносили), ихъ опять унесли въ кибитку. Дѣло дошло и до верблюдовъ, которые уже устали стоять на одномъ мѣстѣ. Одного изъ нихъ заставили лечь предъ входомъ въ кибитку невѣсты Аувеса. Тогда изъ этой кибитки вынесли небольшіе куски ситца и тика, которые мы уже видѣли, и положили на верблюда; за тѣмъ три женщины, предшествуемыя свахою, вынесли заутканныю невѣсту, у которой незамѣтно было даже ни одного члена человѣческаго. Женщины посадили невѣсту на верблюда; туда же сѣла и сваха. Раздались крики:

«эйттиофъ! эйттиофъ!» и верблюдъ, съ своею дорогою ношою, поднялся на ноги. Молодой туркменъ повелъ верблюда къ кибиткѣ жениха Аувеса. Вдругъ туркмены и киргизы съ крикомъ и гикомъ бросились на процессію и, заградивъ ей путь, стали требовать подарковъ. Сваха, желая скорѣе доставить вѣрбеннуу ея попеченіямъ невѣсту, къ родителямъ жениха, не жалѣть подарковъ и бросаетъ имъ платки, лоскутъ ситца и тика. Иной, схвативъ брошенный ему платокъ или лоскутъ, не только не отстаетъ отъ процессіи, но еще задорливѣе прочихъ старается заграждать ей путь. Лоскутъ и платки летятъ на всѣ стороны, и вскорѣ свахѣ уже не остается чѣмъ дарить. Она очень хладнокровно сидѣть въ своемъ раскачивающемся шатрѣ, и смотрѣть на бѣснующуюся толпу. Шествіе еще болѣе замедляется. Но вотъ молодой туркменъ сильно подергиваетъ за бурундукъ, продѣтый въ носъ верблюда, и животное, почувствовавъ страшную боль, мечется на всѣ стороны, оглашаетъ воздухъ страшнымъ крикомъ, брызжетъ въ толпу отвратительною жвачкою, и процессія подвигается впередъ. Наконецъ она кое-какъ добирается до желанной кибитки. Тамъ родные жениха съ почетомъ выходятъ встрѣтить невѣсту. Молодой туркменъ кричитъ верблюду: «чокъ! чокъ!» и покорное животное ложится предъ входомъ въ кибитку. Сваха сходитъ на землю и пособляетъ роднымъ жениха унести невѣсту въ кибитку. Тѣмъ и кончается свадьба.

Такая же церемонія происходила и съ другою невѣстою на другомъ верблюдѣ.

— Послушай-ка, — спросилъ я одного почтенного туркмена, — зачѣмъ это народъ не давалъ дороги невѣстамъ?

— «Видиши-ли, отвѣчалъ — туркменъ, у насть такой обы-

чай, законъ. Этимъ сопротивленіемъ народъ показываетъ къ невѣстѣ свою любовь: каждому будто жаль разстаться съ добрю и кроткою дѣвушкою, и отпустить ее въ чужой ауль, т. е. къ роднымъ женихамъ. Впрочемъ, — заключилъ умный туркменъ, — тутъ дѣйствуетъ не столько любовь къ невѣстѣ, какъ алчность къ подаркамъ; вѣдь ты видѣлъ какъ они протягивали руки, требуя подарковъ?

Черезъ полчаса происходила между туркменами и киргизами борьба. Побѣдителямъ дарили платки и ситецъ на рубашки, а одному отличному борцу, побѣдившему многихъ непріятелей, подарили барана, два платка и шарфъ.

Потомъ была скачка на лошадяхъ. Состязалось около двадцати человѣкъ на пятнадцать верстъ, вдоль берега моря, слѣдовательно, взадъ и впередъ будетъ всего тридцать верстъ. Прискакавшему прежде всѣхъ, подарили верблюда, стоящаго до пятнадцати рублей, второму — лошадь, третьему — трехъ барановъ. Подарки эти собственоручно раздавалъ Ишанъ Нуръ-Мухамедъ, Бекъ-Турдинъ. Давно у насъ въ степи не было такой пышной свадьбы.

Михаилъ Дыльницъ.

Писарь комендантскаго управления въ форѣ Александровскомъ.

VI 13
2

802-17
1924

ЧТЕНИЕ

для

СОЛДАТЬ.

ЖУРНАЛъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНИЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЬ-МАЙОРА

А. ГЕЙРОТЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ВНИЖЕА ПЕРВАЯ.

№ № 1, 2, 3 и 4.

Съ приложеніемъ дев'ятнадцати рисунковъ.

ОСАДА ТРОИЦО-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРИ.

(къ стр. 129.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

БОЧУЩЕЕ ПЛЕМЯ ТРУКМЕНОВЪ.

I.

Туркмены или Трухменцы.—Путешествие Вамбери съ караваномъ мусульманскихъ богомольцевъ.—Недовѣрчивость Туркменъ.—Русская морская станція близъ персидскихъ береговъ.—Вамбери въ земль Туркменовъ.—Гостепріимство Туркменовъ.—Ильинные рабы.—Нападенія Туркменовъ на персидскія области.—Деревня въ башнѣ.—Тру-
сость Персіанъ.

На южномъ берегу Каспійскаго моря, въ степяхъ, живутъ Туркмены. Постоянныя грабежи и нападенія ихъ на пограничныя персидскія владѣнія и на русскихъ, прибывающихъ въ Астрабадъ для торговыхъ сношеній съ Персіею, вынудили русское правительство—съ согласія Персіи,—учредить близъ Астрабада и Ашуръ-аде морскую станцію изъ четырехъ русскихъ судовъ для наблюденія за хищными Туркменами.

Туркмены, или Туркоманы—племя родственное съ Турками. Нравы и обычаи Туркменъ только недавно описаны путешественниками: французомъ Блоквилемъ и Венгерцемъ Вамбери. Блоквиль измѣнически захваченъ былъ Туркменами, и четырнадцать мѣсяцевъ пробылъ у нихъ въ плѣну. Другой смѣлый путешественникъ, Венгерецъ Вамбери, отправился въ 1863 году въ Персію, землю Туркменовъ, Хиву и Бухару, выдавая себя за турецкаго *дервіша* (богомольца). Это было опасное предпріятіе, мусульмане непремѣнно убили бы его, если бы узнали, что онъ христіанинъ. Но Вамбери хорошо изучилъ языки восточныхъ странъ, мусульманскіе обычая, и смѣло рѣшился, вмѣстѣ съ толпою мусульманскихъ богомольцевъ, посѣтить далекія, еще неизвѣданныя страны Средней Азіи.

Зимою 1863 года, Вамбери, вмѣстѣ съ своими спут-

ТУРКМЕН.

никами, вступилъ въ землю Туркменовъ. Одѣтъ онъ былъ также, какъ и всѣ его спутники, нищіе — дервиши; тѣ, которые имѣли средства, наняли для предстоящаго странствія осла или верблюда, а остальные отправились въ путь пѣшкомъ, съ однимъ посохомъ въ рукахъ, въ лохмотьяхъ, подпоясаныи веревкой. Всѣхъ странниковъ было 24 человѣка; въ числѣ ихъ были и сѣдыя старики, и мальчики лѣтъ пятнадцати.

Путники шли бодро, распѣвая мусульманскія молитвы. Вамбери старался также не отставать отъ нихъ, крича изо всѣхъ силь: «Аллахъ, ай Аллахъ!» Дервиши хвалили его за такое усердіе къ вѣрѣ, и во время пути часто одобрительно говорили: «изъ него будетъ хороший дервишъ!» Только на одномъ ночлегѣ, въ мѣстечкѣ Караптие, нѣкоторые изъ жителей все таки усомнились, дѣйствительно ли Вамбери, или Хаджи-Решидъ, какъ онъ себя называлъ, дервишъ изъ Турціи. «Онъ вовсе не похожъ на дервиша,» говорили подозрительные мусульмане. «Одинъ Аллахъ вѣдаетъ, зачѣмъ этотъ человѣкъ идетъ къ Туркменамъ.» Но Вамбери показывалъ видъ, что онъ не слышитъ этихъ толковъ. Онъ сидѣлъ какъ бы въ задумчивости, опустивъ голову. Туркмены разспрашивали о Вамбери также у его спутниковъ, но тѣ уѣвили подозрительныхъ мусульманъ, что Вамбери, дѣйствительно родомъ изъ Турціи, и предпринялъ теперь путешествіе къ мусульманскимъ святынямъ. Многіе недовѣрчиво качали головою, слушая этотъ разсказъ дервишей, но ничего имъ не отвѣчали.

Съ мѣста ночлега виднѣлись вдали Каспійское море и Ашуръ-аде, — мѣсто стоянки русскихъ пароходовъ. Пока судно въ открытомъ морѣ — ему нечего бояться нападенія Туркменъ; но ни одно судно не рѣшается подойти къ берегамъ безъ сопровожденія военнаго парохода. Со временеми учрежденія морской стоянки пароходовъ въ

ТУРКМЕНЫ ВЪ СВОЕЙ ПАЛАТКѢ.

Астрабадъ и Ашуръ-аде, разбойниччи нападенія Туркменъ значительно уменьшились, потому что русскіе пароходы безпрерывно разъезжаютъ у береговъ, осматривая встрѣчающіяся туркменскія суда, чтобы удостовѣриться, нѣть ли на нихъ плѣнныхъ или оружія.

Прибытие Вамбери и его спутниковъ въ Гемюштепе сдѣлалось тотчасъ же известнымъ по всему мѣстечку: мужчины, женщины, дѣти—всѣ выбѣжали изъ палатокъ и окружили странниковъ, совершившихъ дальний путь въ Меккѣ—священный городъ мусульманъ. Каждый изъ нихъ хотѣлъ получить благословеніе, или хотя прикоснуться къ платю дервишъ. «Мы были утомлены, измучены этими изъявленіями уваженія,» говорить Вамбери въ своихъ запискахъ. «Между тѣмъ начались споры: кому принять въ палатку странниковъ. Каждый звалъ настъ къ себѣ; наконецъ, старшина Ханджанъ успокоилъ спорщиковъ, распредѣливъ въ каждую палатку по одному дервишу. Меня и еще одного изъ моихъ спутниковъ онъ повелъ въ свою палатку. Такъ какъ онъ жилъ на краю мѣстечка, то намъ пришлось пройти весь станъ туркменскій, состоявшій изъ множества палатокъ, плотно приставленныхъ одна къ другой, по обоимъ берегамъ узкой и мелководной рѣки Гергены.

Солнце уже закатывалось, когда мы добрались до палатки Ханджана; по обычаю, мы сначала обошли два раза вокругъ палатки, заглядывая въ четыре угла, и потомъ уже вступили подъ гостепріимный кровъ. Послѣ трудной дороги намъ необходимо было отдохнуть, но докучливые распросы Туркменъ положительно не давали намъ покоя. Между тѣмъ хозяинъ палатки хлопоталъ объ ужинѣ, и вскорѣ сынъ его Баба-Джанъ (*), мальчикъ

(*) Баба-Джанъ собственно значитъ: душа отца; это имя Туркмены часто даютъ старшимъ, любимымъ сыновьямъ.

лѣтъ двѣнадцати, принесъ намъ на деревянномъ блюдѣ ужинъ: вареную рыбу и кислое молоко. Рабъ—плѣнникъ Персіанинъ, обремененный цѣпями, держаъ въ рукахъ блюдо, а Баба-Джанъ бралъ блюдо у него изъ рукъ и подпосыль памъ. Онъ иногда ставилъ блюдо передъ нами, по томъ отходилъ и садился рядомъ съ отцомъ, съ удовольствіемъ глядя, какъ мы жадно утоляли томившій насъ голодъ. По окончаніи ужина, спутникъ мой, какъ старшій, произнесъ молитву, поднявъ руки вверхъ. Всѣ присутствовавшіе послѣдовали его примѣру, и когда онъ произнесъ: бисемиллахъ, Аллахъ экберъ,» всѣ, по восточному обычаю, провели руками по бородѣ.

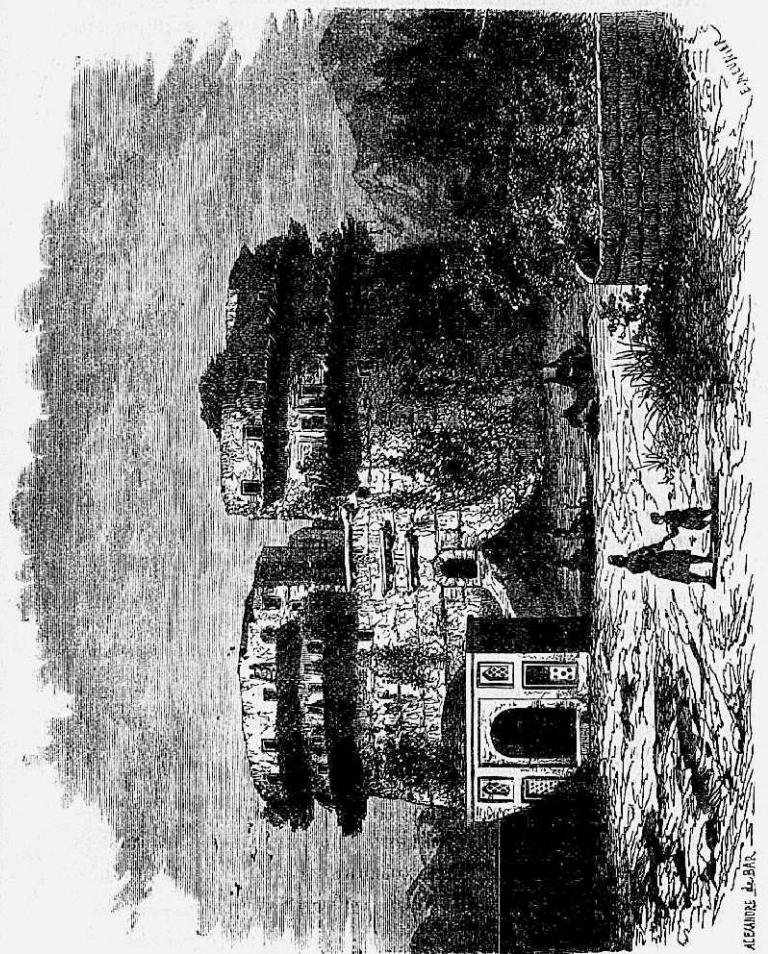
«Хозяинъ мой Ханджанъ, желая показать мнѣ свое довѣріе, говорилъ, что я могу безпрепятственно ходить по всему туркменскому стану и входить во всѣ палатки, потому что ихъ община соблюдаетъ гостепріимство, и никому не дозволить обидѣть прибывшихъ дервишъ. Я былъ очень радъ этому, потому что мнѣ хотѣлось ознакомиться съ бытомъ и жизнью Туркменъ. Съ этого времени я часто ходилъ по стану съ однимъ изъ моихъ спутниковъ, который считался свѣдущимъ врачемъ. Спутникъ мой давалъ лекарство, а я при этомъ громко произносилъ благословеніе. За это памъ давали войлочную кошму, сушеную рыбу и т. п. Всѣ больные спѣшили воспользоваться случаемъ получить лекарство, но, не довольствуясь этимъ, просили у меня также и *нефедѣ* (священное дуновеніе), считая его не менѣе цѣлительнымъ.

Мы пробѣгли въ Гемюнтипе три недѣли; но, не смотря на радушное гостепріимство Туркменовъ, каждый изъ насъ желалъ поскорѣе отиравшись далѣ въ путь. Спутники мои говорили, что они не могутъ видѣть спокойно тѣ страшныя муки, которымъ подвергаются здѣсь плѣннны

(см. стр. 69.)

ДЕРЕВНЯ ЛАСКЕРЪ ПОСТРОЕННАЯ НА БАШНѢ.

ALEXANDRE LE BAR

рабы, преимущественно Персіяне. Отъ нихъ отбираютъ всю одежду, замѣняя ее изорваннымъ тряпьемъ, едва прикрывающимъ тѣло; несчастные рабы изнемогаютъ подъ тяжелыми цѣпями, которыми они обременены, и кромѣ того, на ночь ихъ, прикрѣпляютъ къ желѣзному кольцу въ столбѣ. Туркмены по цѣлымъ недѣлямъ томятъ голодомъ своихъ плѣнниковъ, бьютъ и мучаютъ ихъ безпрерывно. Если плѣнникъ не можетъ уплатить за себя выкупъ, то его перепродаютъ въ Хиву или Бухару, откуда несчастному уже почти нѣтъ возможности когда-либо вернуться на родину. Почти каждый Туркменецъ имѣеть у себя плѣнныхъ рабовъ; у моего гостепріимнаго хозяина Ханъ-Джана также было двое рабовъ: молодые Персіяне, одинъ 18, а другой 20 лѣтъ, и я не могъ безъ искренняго со-болѣзванія видѣть этихъ несчастныхъ молодыхъ людей. Но я ничѣмъ не могъ помочь имъ, не могъ даже ласково обходиться съ ними, опасаясь возбудить подозрѣніе въ Туркменахъ. Однажды я хотѣлъ, когда мы были совершенно одни, дать чашку чая одному изъ рабовъ, но, къ сожалѣнію, въ ту минуту, когда я протягивалъ къ нему руку, сынъ хозяина вошелъ въ палатку; и долженъ былъ показать видъ, что подзываю раба для того, чтобы ударить его за неисправность или оплошность, и я, дѣйствительно, слегка ударила его нѣсколько разъ. Младшій изъ рабовъ, красивый, 18-ти лѣтній Персіянинъ, просилъ меня написать письмо къ его роднымъ; онъ умолялъ ихъ продать все достояніе, чтобы только выкупить его изъ неволи. Желая помочь ему, я охотно исполнила его просьбу.

Жители Персіи издавна принимали различныя мѣры противъ нападеній Туркменъ и другихъ кочевниковъ. Такъ напр., въ одной изъ пограничныхъ областей Персіи цѣлая деревня *Ласкеръ* построена въ одной огромной башнѣ. Въ эту башню можно пробраться только черезъ ворота,

вышиною не болѣе, какъ въ ростъ человѣка. Внутри башни построены лачуги, на нѣсколькихъ уступахъ, одна надъ другою. Кругомъ башни, съ наружной стороны устроенъ изъ бревенъ выступъ или галлера. Близъ входа въ башню имѣется небольшое, особое зданіе, которое служить мѣстомъ для молитвъ. Населеніе этой деревни состоитъ изъ 120 человѣкъ, но кромѣ того, многіе жители, не имѣя возможности помѣститься въ самой башнѣ, живутъ по близости ея, въ землянкахъ.

Персіяне до того болятся Туркменъ, что иногда отдаютъ имъ въ плѣнъ даже почти безъ сопротивленія и часто одинъ Туркменъ беретъ въ плѣнъ 4 и 5 Персіянъ. Иногда Персіяне, при нападеніи Туркменъ, въ ужасѣ бросаются оружіе и начинаютъ вязать одинъ другаго. Для успѣха внезапныхъ нападеній Туркменовъ, имъ необходимы легкій и неутомимыя лошади, и дѣйствительно, лошади Туркменъ очень хороши. Оттого Туркмены холять и берегутъ ихъ, укрываютъ отъ холода и зноя, убираютъ какъ можно наряднѣе свою сбрую и сбдло. Часто можно видѣть всадника Туркмена, одѣтаго въ грязныя лохмотья верхомъ на статномъ, нарядно убраннымъ конѣ.

II.

Свадебные обряды Туркменовъ.—Погребальные обряды.—Возвращеніе молодыхъ Туркменовъ изъ пабъга.—Отъездъ Вамбери въ другія кочевья Туркменовъ.

Во время нашего пребыванія въ Гемюштепе, хозяинъ нашъ, Ханджанъ женилъ своего сына, двѣнадцати-лѣтнаго мальчика Баба-Джана на дѣвочкѣ лѣтъ десяти. Впрочемъ туркменскія дѣвушки рѣдко выходятъ замужъ ранѣе

16 или 17-лѣтняго возраста^(*); до поры замужества, родители стараются устраниТЬ свою дочь отъ всѣхъ тяжелыхъ работъ, чтобы лучше сохранить ея красоту. Чѣмъ красивѣе невѣста, тѣмъ болѣе выкупъ, который женихъ обязанъ дать родителямъ невѣсты. Выкупъ (калимъ) уплачивается обыкновенно деньгами.

Когда родители жениха и невѣсты условятся о бракѣ своихъ дѣтей, тогда мулла (духовное лицо) составляетъ письменный брачный договоръ и назначаетъ благопріятный день для свадьбы. Въ то-же время женихъ посыпаетъ невѣстѣ подарки и, между прочимъ, нѣсколько барановъ для брачнаго пиршества. Ко дню свадьбы палатка невѣсты разукашивается коврами, кусками сукна, лентами, перьями и т. п.

Между тѣмъ родные жениха изготавливаютъ свадебный поѣздъ и убираютъ трехъ или четырехъ верблюдовъ коврами и кусками шелковыхъ матерій. Изъ мужчинъ—одни сѣдѣютъ за верблюдами пѣшкомъ, а другіе ѹдуть на коняхъ, вооруженные, какъ для набѣга. Невѣста, по обыкновенію, отказывается покинуть родныхъ, но ее наконецъ заставляютъ выйти изъ палатки и кладутъ на разостланную кошму (войлокъ). Мужчины поднимаютъ невѣсту на кошмѣ и спѣшатъ перенести ее къ верблюдамъ; родные невѣсты преслѣдуютъ ихъ, бросая каменьями и землей, между тѣмъ, вооруженные родные жениха какъ бы стараются отбить это нападеніе, стрѣляя на воздухъ изъ ружей и пистолетовъ.

Первые двѣ недѣли новобрачнай проводить время въ кругу подругъ, занималась рукодѣльями. Затѣмъ родствен-

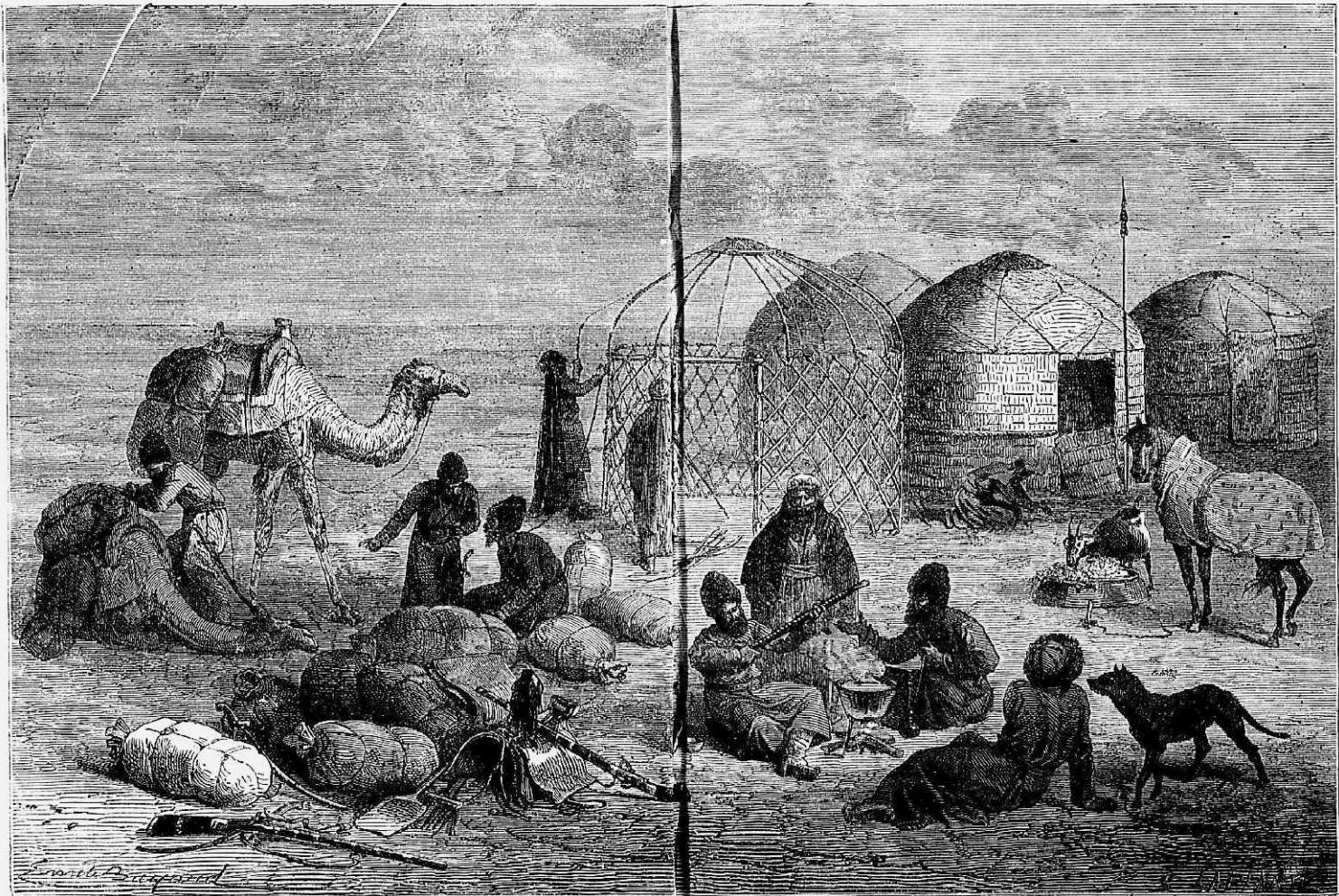
(*) Путешественникъ Вамбери не описываетъ брачныхъ обрядовъ Туркменъ; описание это мы заимствуемъ изъ сочиненія Блоквиля: «Четырнадцати-мѣсячный пленъ у Туркменцевъ.»

ники мужа отводятъ молодую къ ея родителямъ, у которыхъ она и остается годъ или полтора, приготовляя ковры, кошмы, мѣшкы и все необходимое для хозяйства. По окончаніи установленнаго срока, новобрачнай окончательно переходитъ въ палатку своего мужа. У небогатыхъ Туркменъ брачный обрядъ совершиается гораздо короче, и жена остается у родителей только въ томъ случаѣ, если женихъ не заплатилъ сполна всей суммы выкупа. Но если новобрачной удастся тайно уйти отъ родителей къ своему мужу, то они уже не имѣютъ права требовать обратно своей дочери, и лишаются недоплаченнаго выкупа.

Вамбери съ радостью согласился присутствовать на свадьбѣ молодаго Баба-Джана, надѣясь при этомъ случай еще болѣе изучить нравы и обычай Туркменъ.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Гемюштепе, странники наконецъ, рѣшились отправиться далѣе; уже наступало знойное время года, а дервишамъ надобно было еще пройти по обширнѣмъ безводнѣмъ степямъ. Но Ханджанъ и его пріятель Кюльханъ-лиръ ожидали возвращенія туркменской молодежи съ аламана (разбоя), и упрашивали дервишѣ подождать ихъ возвращенія. Вамбери присоединился къ толпѣ Туркменъ, поджидавшихъ большими петербургіемъ возвращенія каракчи (набѣзниковъ). Въ этомъ набѣгѣ участвовалъ также сынъ Кюльхана, и отецъ ожидалъ его прїзыва съ гордостью и нетерпѣніемъ.

Въ полдень, на противоположномъ берегу рѣки показались 8 туркменскихъ всадниковъ; они вели въ поводу до десяти лошадей, отбитыхъ ими во время нападенія на персидскія владѣнія. Я думалъ, что вся толпа встрѣтить ихъ радостными кликами, но, къ моему удивленію, Туркмены молчали, и только пристально глядѣли на прибли-

ЛАГЕРЬ ТРКМЕНОВЪ.

(Къ стр. 67.)

жавшихся всадниковъ. Чрезъ нѣсколько минутъ молодые Туркмены, возвратившися изъ набѣга, переплыли рѣку, сошли съ лошадей и молча подали руки своимъ роднымъ. Старики начали осматривать награбленную добычу, а молодые наездники, снявъ свои тяжелыя, мѣховые шапки, отирали потъ съ загорѣлаго лица. Не смотря на все мое презрѣніе къ этимъ разбойникамъ и ихъ гнуснымъ поступкамъ, (говоритъ Вамбери) я не могъ не любоваться ими: молодые Туркмены были очень красивы въ своей короткой верховой одеждѣ, въ полномъ вооруженіи, на своихъ статныхъ, лихихъ коняхъ. Даже мрачный старикъ Кюльханъ казался умиленнымъ; онъ подвелъ къ намъ сына, и одинъ изъ моихъ спутниковъ благословилъ его. Послѣ того мы двинулись далѣе въ путь, въ общины другихъ туркменскихъ племенъ. Ханджантъ провожалъ насъ пѣшкомъ нѣсколько верстъ. Я нѣсколько разъ упрашивалъ его возвратиться въ палатку, но Ханджантъ хотѣлъ непремѣнно исполнить обычай туркменского гостепріимства. Наконецъ, послѣ обычной молитвы, мы разстались.

III.

Переправа чрезъ камышевыя топи.—Кабаны.—Бездводная степь.—Могилы убитыхъ въ степи.—Отиельникъ, скрывающійся въ пустынѣ, изъ опасеніи мести.—Недостатокъ воды.—Могила мусульманскаго святаго.—Колодезь съ горько-соленою водою.—Прибытие каравана въ плодородныя мѣста.—Ямы съ дождевою водою.—Границы Хивскаго ханства.

Путь нашъ лежалъ на сѣверо-востокъ, все дальнѣе и дальнѣе отъ берега моря, по странѣ, занятой кочевыми Туркменовъ. Мѣстность была ровная, покрытая высокой травою. Кругомъ все было пусто и безлюдно; только кое

гдѣ виднѣлись туркменскія могилы. Край этотъ почти совершенно необитаемъ, и только бродящія шайки Туркменъ-разбойниковъ иногда нарушаютъ общее безмолвіе пустыни. А какія богатыя, оживленныя селенія могли бы здѣсь возникнуть, если бы въ странѣ былъ упроченъ порядокъ и спокойствіе!

Намъ нѣсколько разъ приходилось переправляться чрезъ топи, поросшія камышемъ, въ которомъ бродили огромныя стада дикихъ кабановъ. Кюльханъ и нашъ проводникъ Ѵхали впереди, чтобы обойти логовища этихъ животныхъ, близость которыхъ мы могли узнать только по хрюканью и по трескѣ, производимому ими въ камышѣ. Я Ѵхаль, всматриваясь внимательно въ стороны, какъ вдругъ лошадь моя шарахнулась въ сторону и сбросила меня на землю. Въ ту же минуту изъ чащи камыша показался огромный кабанъ, но, къ счастію, проводникъ каравана и сынъ Кюльхана поспѣшили ко мнѣ на помощь. Они отогнали кабана, помогли мнѣ выбраться изъ тины и поймали мою лошадь. Кюльханъ сказалъ мнѣ при этомъ, что я долженъ считать себя счастливымъ, потому что смерть, отъ пораженія дикимъ кабаномъ, лишаетъ, небеснаго блаженства, даже и самаго благочестиваго мусульмана; по закону мусульманъ, кабанъ считается животнымъ нечистымъ.

Нашъ караванъ подвигался къ сѣверу, направляя путь—днемъ по солнцу, а ночью—по звѣздамъ. Часовъ черезъ 10 непрерывной Ѵзы, мы остановились посреди степи. Нѣсколько Туркменъ сошли съ коней и начали осматривать небольшіе холмики, находившіеся по обѣимъ сторонамъ дороги: одному изъ нашихъ спутниковъ, Еидъ-Магомету, хотѣлось отыскать могилу своего брата, убитаго на этомъ мѣстѣ въ прошломъ году, въ схваткѣ съ враждебными Туркменами. Еидъ-Магометъ взялъ съ собою и

гробъ, чтобы перевезти въ Хиву тѣло убитаго брата. Туркмены разрыли могилу, положили въ гробъ полусогнившій трупъ и обернули его войлокомъ. Все это время я и спутники мои, дервиши читали мусульманскія молитвы и изречения Корана.

Еидъ-Магометъ испекъ хлѣбъ, для поминовенія покойнаго, и раздѣлилъ его между всѣми дервишами. Снова двинулись мы въ путь, прямо на сѣверъ, чрезъ большую безплодную пустыню. Шаги нашихъ верблюдовъ звонко отдавались по твердой, глинистой почвѣ. Ночь была тихая, звѣздная, и я, лежа въ своей корзинѣ, перекинутой черезъ сѣдло верблюда (*), спокойно любовался звѣзднымъ небомъ.

Черезъ два дня мы миновали горы (Большой и Малый Балгантъ) и керванбashi объявилъ намъ, что отсюда уже начинается настоящая степь; онъсовѣтовалъ намъ не разговаривать громко, не разводить огонь, чтобы не навлечь на свой слѣдъ разбойниковъ, бродящихъ по степи. Всѣ мы вооружились, кто чѣмъ могъ; я также взялъ ружье, немного пороха и пуль.

Подъ вечеръ я, керванбashi и нѣсколько Туркменовъ отправились искать въ оврагахъ воды, чтобы наполнить наши мѣха. Всѣ мы разбрелись по разнымъ направлѣніямъ, но не успѣлъ я пройти и 40 шаговъ, какъ спутникъ мой замѣтилъ неожиданно слѣды на пескѣ, и съ изумленіемъ вскричалъ: «здѣсь скрывается человѣкъ!» Мы зарядили ружья, и, идя по слѣдамъ, достигли наконецъ отверстія въ небольшую пещеру. Я заглянулъ въ нее и съ удивленіемъ увидѣлъ въ ней человѣка, съ длин-

(*) По обѣимъ сторонамъ сѣдла верблюда привязываютъ двѣ корзины; въ одну изъ нихъ садится єзда, а въ другую, для равновѣса, нагружается какая нибудь кладь.

ными волосами и бородой, одѣтаго въ звѣриную шкуру. Увидя насть, онъ выбѣжалъ изъ пещеры, съ копьемъ въ рукахъ. Но керванбashi спокойно прошепталъ: «аманболь» (миръ съ тобою), опустилъ оружіе и тихо отошелъ отъ пещеры. «У этого человѣка кровь на головѣ», — сказалъ миѣ керванбashi. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ несчастный совершилъ убийство и, опасаясь неумолимой мести, бѣжалъ въ пустыню. Онъ уже нѣсколько лѣтъ скитаются въ ней, не смѣя вернуться на свою родину.

Наши поиски воды оказались напрасными: нигдѣ не было и слѣдовъ ручья или источника, а между тѣмъ напѣ запасъ воды уже почти истощился. Я питался только небольшимъ количествомъ хлѣба, размачивалъ его въ горячей водѣ, потому что горько-солоноватая вода степныхъ колодцевъ, при кипяченіи, теряетъ свой горький вкусъ. Силы мои совершенно истощились, жажда томила меня, а дни, какъ нарочно, становились все болѣе и болѣе знойными и удушливыми. Я лежалъ почти безъ движенія возлѣ моего разѣдланного верблюда, когда неожиданно услышалъ вблизи радостный крикъ: «су, су!» (вода). Я поднялся съ изумленіемъ, и увидѣлъ, что керванбashi дѣйствительно раздастъ каждому по два стакана воды. Онъ объявилъ намъ, что при перѣѣздахъ черезъ степи всегда прытъ въ запасъ небольшое количество воды, которую и раздастъ нуждающимся. Туркмены считаются такой поступокъ великимъ подвигомъ благочестія, и говорятъ, что за одну каплю воды, данную въ пустынѣ жаждущему, отпускается сто грѣховъ.

Около полудня керванбashi сообщилъ намъ, что мы недалеко отъ мусульманской святыни: могилы святаго Хариманъ-Ата. Для поклоненій этой могилѣ мы должны были сойти съ коней и верблюдовъ, и болѣе четверти часа идти пѣшкомъ по раскаленному песку пустыни.

Обезсиленный зноемъ и жаждою, слабый, я однако же долженъ бытъ также присоединиться къ богомольцамъ, бормотать молитвы и стихи изъ корана.

Могила мусульманского святаго была длиною болѣе 4 саженъ и украшена бараньими рогами—знакомъ верховной власти въ Средней Азіи. Керваниш-бashi рассказалъ намъ, что святой, погребенный въ этой могилѣ, бытъ великанъ, и что онъ, будто бы, защищать всѣ окрестные колодцы отъ злыхъ духовъ, которые хотѣли забросать ихъ каменьми. Я очень обрадовался, когда узналъ, что вблизи могилы находятся нѣсколько колодцевъ съ водою. Тотчасъ же поспѣшилъ я къ указанному мѣсту, и еще издали увидѣлъ воду, похожую издали на какую-то бурую лужу. Я зачерпнулъ воду рукою—вода была холодная, какъ ледъ! Но я не могъ проглотить ни капли этой холодной воды: до того она была горька и солона. Въ отчаяніи и изнеможеніи упалъ я на раскаленный песокъ близь воды.

Къ счастію нашему, мы услышали вечеромъ, вдалекъ раскаты грома; это придало всѣмъ намъ бодрость и силы. Около полуночи гроза разразилась надъ нами и нѣсколько тяжелыхъ, крупныхъ капель дождя упали на песчаную почву степи. Къ утру 24 мая мы уже добрались до окраинъ чесчаной степи. Керваниш-бashi объявилъ намъ, что, судя по многочисленнѣмъ слѣдамъ дикихъ ословъ и газелей, мы скоро достигнемъ до источниковъ свѣжей воды. Черезъ нѣсколько времени онъ дѣйствительно увидѣлъ источникъ и указалъ его каравану. «Су, су!» (вода) вновь еакричали мы въ радости и бросились съ ясными мѣхами къ глинистымъ ямамъ, члапотпесчанымъ донжевою водою.

Черезъ полчаса послѣ того мы всѣ уже сидѣли за своею скучнотою, дорожною трапезою. Отсюда уже было недалеко до Хивы,—дѣль нашего странствія, и самая мѣстность не

была уже такъ пустынна и безлюдна. Изъѣдка намъ попадались небольшія озера, окруженнныя зеленѣющими лугами, палатки кочевниковъ, даже небольшія, полуразрушенныя деревни.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, караванъ нашъ вступилъ въ Хиву,—одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Средней Азіи, столицу Хивинскаго ханства.

РАССКАЗЫ ПЪЗЬ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ О ЖИВОТНЫХЪ.

Уменьшеніе лѣсовъ въ Россіи. — Лѣсные промыслы. — Дикия животные на сѣверной, восточной и южной окраинѣ Россіи. — Олени. — Пища оленей. — Лоси. — Гдѣ водится лось. — Охота на лося. — Мѣры къ охраненію лосей отъ совершеншаго истребленія. — Лоси въ Новгородской губерніи. — Прирученіе лосей. — Охота дикарей за лосемъ. — Ноги оленевыхъ роговъ. — Антилопоподобные животные. — Сайгакъ или маргачъ. — Ильга или олень-воль.

Было время, когда наша родина, Россія, была покрыта дремучими, не проходимыми лѣсами, но съ постепеннымъ увеличеніемъ народонаселенія, съ распространеніемъ земледѣлія и разныхъ промысловъ, лѣса въ Россіи истребляются весьма быстро. Извѣстно, что на мѣстахъ, где въ настоящее время ощущается недостатокъ въ лѣсѣ, еще недавно находились густыя, лѣсныя чащи. Такъ, напр., извѣстно, что всѣ окрестности Кіева были нѣкогда покрыты лѣсомъ, отъ которого нынѣ не осталось и слѣдовъ. На Волгѣ лѣса также давно уже вырублены; даже и густые, хвойные лѣса Вологодской губерніи постепенно вырубаются.